

Георгий Вяткин: Известный и неизвестный

«Да будет ваша жизнь отрадна и легка»

«Вот Вяткин у вас — поэт!»

М. Горький

*«И сердце, кровью истекая,
Гимн жизни радостно поет».*

Г. Вяткин

Вчитываясь в строки моего деда, написанные им около ста лет назад, впитывая в себя его мысли и чувства, я не перестаю удивляться его беспредельной жажде жизни, лучшей, прекрасной жизни для каждого из нас.

Его судьба — во многом типична. Судьба русского интеллигента, попавшего под красное колесо террора 30-х годов.

Начав писать стихи с 14 лет, не имея ни среднего, ни высшего образования, с 1905 года он уже известен читающей России. Его начинают печатать самые авторитетные литературные журналы Санкт-Петербурга и Москвы, бесчисленная периодика сибирских городов, одна за другой выходят в свет его книги — сборники стихов (1907, 1909, 1912 — в Томске), «Опечаленная радость» в Петрограде и там же сборник рассказов — «Золотые листья» в 1917 г., позднее в родном Омске — великолепная книга стихов «Алтай» и т.д.

Он получает Всероссийскую литературную премию имени Гоголя в 1912 г.

Георгий Андреевич пишет очень много, это и поэзия, и проза, и драматургия, и журналистика. Глубоко эрудированный человек, Г.А. Вяткин занимался переводами, просветительской деятельностью, был одним из инициаторов создания в Сибири писательских организаций.

В 1914–1917 гг. был на фронтах империалистической войны, служил в санитарных частях.

Часто бывал в Санкт-Петербурге, Москве, встречался с известными писателями того времени, выезжал в Польшу и Финляндию, был на Украине, в Крыму, много путешествовал по Сибири, Алтаю, Иртышу.

Поэт глубоко переживал все горести и радости жизни, его тончайшая душа отзывалась острой болью на человеческие страдания и муки, на боль души другого человека. И всегда сквозь печаль и тревоги пробивается в произведениях Г. Вяткина навстречу солнцу, навстречу лучшей жизни слабый, но неутомимый росток надежды, любви, счастья.

**«Родина, мать моя,
Ты ли мне гредишься?
Ты ль это с горем своим?
Сердце мое и рыдает и молится,
Молится мукам твоим».**

1918 год надломил его. Кровь безвинных, насаждение единомыслия, ограничение свобод граждан, надругательство над вечными ценностями изменили его отношение к происходящему в России.

С лета 1918 года он работает заведующим бюро газетных вырезок при правительстве Колчака. И вновь пишет, и печатается почти во всей местной периодике.

В 1919 году Колчак отступает в Иркутск, и Вяткин поначалу идет с ним. Но вскоре возвращается в Омск, следует арест, дело и три года лишения избирательных прав. Это был первый «звонок».

С 1919 по 1925 год вновь активно работает в Омске, заведует отделом газеты «Рабочий путь» (ныне — «Омская правда») и Омским отделением газеты «Советская Сибирь» (Новониколаевск). Читает много лекций по литературе, избирается на съезд писателей России.

С конца 1925 года живет в Новониколаевске (Новосибирске), работает в журналах «Сибирь», «Сибирские огни», «Товарищ», редактирует первую Сибирскую Советскую энциклопедию, пишет поэму «Сказ о Ермаковом походе» и роман «Открытыми глазами».

Расстрел 8 января 1938 года надолго вычеркивает его имя из жизни. Его книги под запретом, его семья скрывается.

Лишь 1956 год приносит полную реабилитацию, но не приносит желаемого выхода из забвения. Как бы боязливо, будто стыдясь чего-то, Георгия Вяткина начинают печатать.

1959 год — небольшой сборник стихотворений, потом редкие публикации нескольких стихотворений в различных сборниках.

В его юбилейный 1985 год в родном городе выходит книга-сборник «Открытыми глазами», чуть позднее еще несколько книг...

И, наконец, с 2005 года в Омске по инициативе губернатора Л.К. Полежаева печатается собрание сочинений Георгия Андреевича Вяткина в пяти томах. На сегодняшний день в свет вышли первые два тома, а к началу 2007 года выйдут все пять.

Возвращение уникальных для нас, омичей, для всех россиян, произведений поэта и писателя, неизвестных до сих пор массовому читателю и по крупицам собранных величайшим трудом редакционной группы и семьи Вяткина (да и собранные еще далеко не полностью!) только-только начинается.

Каким же был он, известный и неизвестный нам Поэт?

Я не видел его. Помнит лишь мама, но и ей было тогда всего 12 лет.

«Он был очень добрым, мягким, истинно интеллигентным человеком, никогда ни на кого не повышал голос...», — часто повторяет она. Невысокий, энергичный, нежный, заботливый. Бесконечно любивший свою семью, свою измученную Родину, свою Сибирь.

**«Но все ж, Сибирь, ты сердцу
дорога,
И не забыть мне эту даль с обрыва».**

Осенью он отправил детей домой, в Омск.

Он знал — тучи сгущаются. К писательскому дому по улице Челюскинцев почти каждую ночь приезжали черные «вороны» и увозили людей в небытие.

За Георгием Андреевичем приехали в конце 1937 года. Через несколько дней допрос, спокойно и уверенно держался на нем Вяткин, проходит еще пара дней — второй допрос с пристрастием, пытками... Страшно было смотреть мне, его внуку, на пожелтевшие от времени страницы дела № 3590 новосибирского НКВД, страшно было представлять весь тот ужас...

Простым и близким читателю языком говорит он в своих произведениях о жизни, и сердце благодарно тянется навстречу этим тихим и нежным строчкам. Искренность, интимность, благословляющая улыбка и светлая, осиянная внутренним светом, грусть — вот что делает близким сердцу творчество Г.А. Вяткина.

Он всегда считал, что вся русская литература — «это, прежде всего, отклик на человеческое страдание, крик уязвленной совести, исповедь горячего славянского сердца».

И я чувствую это, вчитываясь и вдумываясь в его стихи и в его прозу, в родные для меня строки. Он беспредельно любил свою Родину, Сибирь, восхищался красотами каждого ее уголка, с нетерпением ожидал прихода весны как предвестника улучшения жизни. Он очень верил в это.

Он много страдал, в юности жил бедно, даже очень бедно, и поэтому человеческое страдание для него — не отвлеченное понятие.

«Опечаленная радость» — так назвал он одну из первых своих книг. Пожалуй, эти два слова и есть его жизнь.

Георгий Андреевич не терпел пошлости, трусости, лжи, лени, насилия, не терпел издевательств над чужими душами и сердцами...

«Человек должен, прежде всего, быть чутким к красоте... Красоту же я понимаю в самом широком значении этого слова, включая сюда и здоровье, и силу, и великодушие, и мягкость, и способность на самопожертвование».

«Много тайн и загадок в мире, и в сущности никто не знает ничего. Но наше сердце знает много, гораздо больше, чем разум. И, если внимлет голосу сердце, — найдет радость даже в страдании и благословит горе.

Может быть, красота горя выше красоты радости, и, может быть, богаче всех тот, кто больше всех страдал? Разве не из страданий вырастает душа?»

«Любя человека и жизнь, я беру за отправную точку моих размышлений то кажущееся мне бесспорным положение, что каждый человек есть носитель своего собственного, сложного, богатого и разумного мира, есть сосуд Вечного Духа, пришедший на землю только раз; никогда не повторяющийся и, значит, стоящий выше всяческой цены...»

Читая его великолепную прозу, прозу Поэта, понимаю, что очень много в ней, как, впрочем, и в поэзии, автобиографического. Наверное, это естественно.

Как и все, он влюблялся и любил, и был любим, и был отвергнут.

Он очень любил свою жену Марию. Она была заметно моложе его и необычайно красива. Даже в глубокой старости.

**«Лицо твое усталое, лицо твое
счастливое,**

**Горячее дыхание, цветы и тишина,
И утро безмятежное. Блаженно
молчаливое...**

**Спи, тихая. Спи, нежная. Спи,
юная жена.**

**Из кубка страсти, чистая,
в неизъяснимом трепете,
Пила ты — поцелуями —
пьянящее вино...»**

* * *

**«Твои шаги, как трепетание
Разбитых крыльев мотылька,
Как пены легкое дрожание
На бледном золоте песка.**

**Твой стан, как стебель юной лилии,
Грозой придавленный к Земле**

**Но милый — в робости бессилия,
Но светлый — в сумраке и мгле.**

**Твои глаза — как звезды ириса,
В которых нежится роса,
В которых тайно отразились
Своей улыбкой небеса».**

Когда я работаю над его текстами, моя душа как бы переживает вместе с его душой, и слезы радости от соприкосновения с его Талантом невольно увлажняют мои глаза...

*«Прекрасная женщина улыбнулась.
Дайте, пожалуйста, отзыв о прекрасной улыбке прекрасной женщины.*

Кудрявый, милый ребенок звонко засмеялся.

И на душе у всех стало светло и отрадно...

Дайте, пожалуйста, отзыв о звонком смехе... милого ребенка».

Так писал известный сибирский критик, подписывавший свои статьи псевдонимом «Дедушка Фаддей», когда его попросили дать отзыв на книгу стихов Георгия Андреевича Вяткина «Алтай».

«Никаких бурь, никаких метелей — в стихах, его, слава Богу, нет.

И все-таки — это не мешает быть ему настоящим «Сибирским поэтом»...

О Сибири давно уже можно говорить, не вспоминая о каторге.

Сибирь вовсе не специализировалась «на бурях, снегах и метелях.

Она не вечно мрачна и нахмурена...

Она умеет и ласково смотреть, и нежно улыбаться»...

И резюмирует:

«Г.А. Вяткин — лучший из Сибирских поэтов».

**«Бог окропил долину огоньками,
Посеял щедро лилии по ней.
Остановись! Тайга теперь за нами
Ночуем здесь. Расседывай коней.
Вечерний час задумчив и прохладен,
Серп месяца прозрачен и остер.
А даль во мгле. Из синих горных**

впадин

Ползет туман. Но мы зажжем костер».

* * *

**«Какая глушь! На камне встали
камни,**

**И вздыбились утесы на утес.
И нет пути. И всюду мох порос,
Сухой, как пыль, невыразимо давний.**

* * *

**Текут века, покорны и безгневны.
Течет вся жизнь — к печальной
вечной мгле...
Но эта ночь, но этот голос древний...
Минувшее бессмертно на земле»**

Прекрасные стихи!
Привет вам, прекрасный певец Сибири!»*

Георгий Вяткин — бесспорно один из крупнейших поэтов Омска, Сибири и России, один из основоположников современной сибирской литературы.

И мы вправе гордиться им, читать его, учиться у него красоте и чистоте духа, глубине чувств и искренности желаний.

**«Верую: силой твоей, Человек,
Жизнь безотрадную, пошлую, серую
Преобразишь ты навек...
Верую!»**

Тайна картины из Аноса

Новосибирск. Улица Челюскинцев 39. Писательский дом. 16 декабря 1937 года.

За ним приехали ночью, так было принято при арестах. Забрали почти все. Уникальную библиотеку из редких книг, хранивших на себе автографы многих гениев России, даже Пушкина. Письма от Ивана Бунина, Александра Куприна, Бориса Зайцева, Александра Блока, Максима Горького, Романа Роллана, Веры Комиссаржевской...

А вдруг кто-то из них был тайным членом «Трудовой крестьянской партии», которую выдумали в НКВД?

Забрали неизданные стихи и рассказы, наброски и черновики, дневники и заметки.

Забрали все фотографии.

Сняли со стены большой портрет М. Горького с дарственной надписью — может быть, это вещественное доказательство? Интересно — чего? Не беда, что-нибудь придумают, им не впервой.

Взяли деньги, оставив семью без средств к существованию.

А эту картину оставили. Не приглянулась что ли?

Алтайский пейзаж. Река. Седые горы. И дарственная надпись:

«Поэту-писателю

Сибири

Г.А. Вяткину

Худ. Алтай Чорос-Гуркин»

Не заметили этой надписи. Григорий Иванович Чорос-Гуркин, первый великий художник Сибири, «враг народа» был уже расстрелян. Пару месяцев назад. Он оказался «японским шпионом».

Как и когда эта картина признанного ныне художника оказалась в доме Георгия Андреевича Вяткина?

А. Анохин, В. Шишков, Г. Потанин и многие другие. Здесь, «в приюте трудов и вдохновения», часто собирались единомышленники, друзья, влюбленные в Сибирь.

Алтаец художник Григорий Иванович Гуркин, принявший православие, учившийся у великого Шишкина, настоящий самородок Алтая и Сибири, всем своим творчеством воспевал красоту и величие родного Алтая, Хана-Алтая.

Его первая персональная выставка состоялась в 1907 году в Томске, когда художнику было уже 37 лет. А помогли организовать выставку его друзья. Не мог остаться в стороне от этого и Георгий Андреевич.

Газета «Омский телеграф» 12 марта 1910 г. сообщала об этом событии:

«На выставке картин Г.И. Гуркина.

Открывшаяся в Томском общественном собрании выставка картин Г.И. Гуркина возбудила значительный интерес в томской публике. В воскресенье, 7 марта, выставку посетило около 1 тыс. челов. (С.Ж.)»

(Примечание: С.Ж. — «Сибирская жизнь», газета, г. Томск.)

По мельчайшим крупичкам собираем мы биографию Г.А. Вяткина.

Даты, города, люди, путешествия...

Передо мной старая фотография, хранящаяся в Пушкинском Доме. Алтай, 1915 год, село Улала. (Горно-Алтайск).

Молодые Георгий Андреевич и его первая жена Капитолина Васильевна Юрганова, из рода Юрганов. Она — начинающий этнограф, он уже известный писатель, старше ее на семь лет.

Здесь, в Улале, затерявшемся между гор и рек селе, они нашли друг друга. Позднее, в Омске, в Свято-Никольском казачьем соборе они обвенчались.

На картине Гуркина нет даты. По рассказам сотрудников Национального музея Алтая, где хранится большая коллекция картин Григория Ивановича, Гуркин любил дарить свои картины гостям Аноса. А Вяткин был там не один раз. Так может быть, именно здесь, в Аносе, он и принял этот бесценный дар из рук своего друга?

Другим даром Гуркина были его иллюстрации к книге Вяткина «Алтайские сказки», изданной в 1926 году. Георгий Андреевич ответил двумя прекрасными книгами — «Алтай» и «Алтайские сказки».

Чорос-Гуркин написал более тысячи работ, живопись, графика, рисунки. Многие продавал, часть дарил. Но редкие музеи могут похвастаться его произведениями.

Удивительные по манере письма, по насыщенности яркими красками, его полотна в наши дни стали настоящими раритетами и очень высоко оцениваются во всем мире. Гуркин, пожалуй, и сегодня крупнейший алтайский и сибирский художник.

Но, как и многие просветители, и интеллигенты он оказался «японским шпионом» и был расстрелян в октябре 1937 года.

Георгий Вяткин пережил его всего на пару с небольшим месяцев...

А картина до сих пор радует глаз, навеивает воспоминания, греет душу теплом сердец тех людей, достойнейших сынов своей Родины, собиравшихся когда-то давно на Алтае, в селе Анос, и мечтавших о новой России, людей из той, другой жизни, которую мы постепенно и так еще неуверенно обретаем...

Примечания:

Вяткин Георгий Андреевич (1885 год, г. Омск — 1938 год, г. Новосибирск) — известный поэт и писатель серебряного века России, Чорос-Гуркин Григорий Иванович (1870 год, с. Анос — 1937 год, г. Ойротск) — крупнейший художник Сибири. Пейзаж Гуркина, спасенный при аресте Вяткина, был реставрирован, обрел новую раму и хранится в Омске.

Источник: [«Сибирские Огни», №03, март 2007](#)